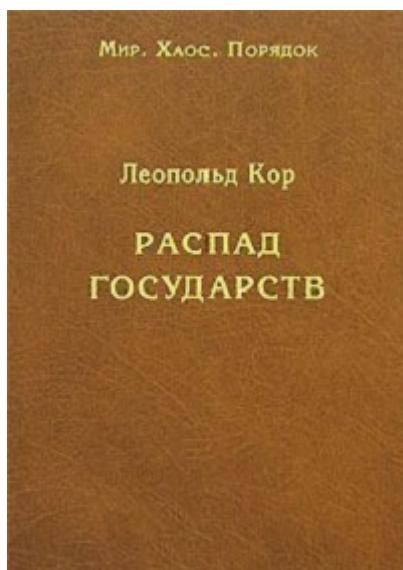

Леопольд Кор. Распад государств

Ссылку на эту книгу я встретил у Талеба в [Антихрупкости](#) (см. также [Что почитать по менеджменту](#)). В работе Л. Кора рассматривается проблема роста и распада государств. По мнению автора, главная причина упадка государств — увеличение их размера сверх допустимого уровня. При этом не так важен строй (капиталистический или социалистический), форма правления (республика или монархия) и т.п. Книга вышла на английском языке в 1957 г. Главная мысль Кора — малое прекрасно. И хотя речь идёт о малом применительно прежде всего к государству, Кор иллюстрирует свой тезис примерами как из социальных, так и из естественных наук. Причём свои идеи он высказал почти на два десятилетия раньше знаменитой книги Эрнста Фридриха Шумахера «Малое прекрасно», таким образом сильно обогнав своё время.

В послесловии российский историк [А.И. Фурсов](#) подвергает отдельные суждения Леопольда Кора довольно интересной критике. Мне также некоторые аргументы Кора показались притянутыми, непоследовательными и странными. Тем не менее, в целом идеи Кора захватывают, а то, как он угадал с распадом государств Европы, ростом имперских настроений в США, просто восхищает!

Леопольд Кор. Распад государств. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 264 с.

Введение. Физики нашего времени попытались выработать одну целостную теорию, способную объяснить не некоторые, а все явления физической Вселенной. Так и я — в другой плоскости — попытался развить единую теорию, с помощью которой можно было бы привести к общему знаменателю не некоторые, а все явления социальной Вселенной. Результат — новая единая политическая философия, ядром которой выступает теория размера. Согласно этой теории, за всеми формами социальных бедствий, похоже, стоит одна-единственная причина — величина.

ГЛАВА I. ФИЛОСОФИИ БЕДСТВИЙ

1. Теории воображаемых причин. Люди античности, приписывая причину большинства трудностей гневу богов, полагали, что простейший путь исправить положение — это прибегнуть к молитве или, если это окажется недостаточным, к принесению в жертву людей, вызвавших этот гнев. Иногда результаты ошеломляли. Едва молитвы были произнесены, как на иссохшие поля проливался дождь, внезапно останавливался поток лавы из вулкана или приходила весть о поражении вселяющего ужас захватчика. Иногда не происходило ничего. Тем не менее, как это бывает с большинством плохих догадок, этому не придавали никакого значения и не видели, почему данную теорию (которую можно назвать божественной теорией социальных бедствий) следует считать несостоятельной только на этом основании: ведь она удовлетворительно объясняла так много других несчастий. В Средние века божественную теорию дополнили колдовской теорией социальных бедствий.

Позднее, с ростом интереса человека к механике мироздания, начал широко распространяться ряд космических теорий бедствий. Теперь болезни и войны относили на счет случайного появления комет, более частого появления красной короны вокруг луны. Однако пассивное подчинение силам

природы противоречило духу постепенно вступавшей в свои права эпохи разума. Поэтому Новое время принесло с собой новую вереницу теорий социальных бедствий. Одна за другой быстро возникли экономическая теория, согласно которой война и социальное зло приписывались стремящемуся к прибыли капитализму; психологическая теория, в которой главное место отводилось фruстрации; личностная, идеологическая, культуральная и национальная теории.

Подобно своим предшественницам, эти более новые теории также выглядели вполне удовлетворительными в объяснении тех социальных бедствий, во время которых их создавали. Однако, опять же подобно своим предшественницам, они оказались совершенно не в состоянии объяснить исключения. Они могли объяснить бедность американских, но не российских тружeb. Что касается войн, они могли объяснить войны нацистов, но не Крестовые походы; войны Германии, но не Франции. Таким образом, несмотря на их более искусные аргументы по сравнению с теориями колдовства, они не пролили больше света на проблемы, которые, как предполагалось, они должны были анализировать.

2. Теории второстепенных причин. Одна из наиболее обоснованных — экономическая теория. Согласно её положениям, большинство форм социальных бедствий, в частности, таких, как бедность, война и империализм, — неизбежные следствия функционирования капиталистической системы свободного предпринимательства. Попросту говоря, ход её рассуждений таков: вначале из-за стремления капиталиста к прибыли рабочий класс получает за свой вклад в производство меньше, чем ему полагается. Отсюда — неминуемая неспособность рабочих выкупать у фабрикантов товары, в создании которых они участвовали. Результат — одно из двух зол. Либо следует сократить производство до такого количества товаров, которое можно сбыть на внутреннем рынке; либо, если внутренние потребительские, а значит, и инвестиционные возможности на исходе, необходимо найти новые рынки. Первая альтернатива ведёт к безработице и сопутствующим ей бедствиям; вторая — к империализму и войне.

Противоположность этому — социалистическая система, которая производит не ради прибыли, а ради потребления. Она не имеет ни малейшей заинтересованности в огромной растрате средств на военные нужды или в завоевании иностранных рынков для товаров, которым можно было бы найти гораздо лучшее применение — если поставлена цель повысить уровень жизни в собственной стране. По самой своей природе она так же неотъемлемо связана с сохранением мира. В результате главные мировые проблемы решить было бы весьма просто. Все, что требуется, — это уничтожение капитализма и утверждение социалистического общества. Однако теории не удается объяснить, почему среди главных агрессоров в современном мире — коммунистические государства Россия и Китай, а такие капиталистические страны, как Канада, Бельгия и особенно Швейцария, находятся в числе самых миролюбивых.

ГЛАВА II. СИЛОВАЯ ТЕОРИЯ АГРЕССИИ

1. Причина социальной жестокости. Что касается масштаба совершенных обществом или прощённых им жестокостей, то пока что мы обнаружили один факт. Большинство государств, независимо от их расового происхождения, стадии развития цивилизации, идеологии или экономической системы, впечатляющим образом демонстрируют сходные показатели. Если сходные крайности имели место повсюду, на всех этапах и во все периоды исторического развития, очевидно, должен существовать общий элемент, выходящий за рамки этих различий. Мы приходим к тому, что можно назвать силовой теорией социальных бедствий.

Отчасти это предложение кажется самоочевидным. Ведь никто не может совершать жестокости или даже зверства, не имея для этого силы. Но не в этом дело. Дело в том, что выдвинутое положение действует и в обратном направлении. Всякий обладающий силой в конце концов будет совершать соответствующие зверства. Мы должны обострить наше утверждение: не всякий, а лишь критический объём силы приведёт к жестокому злоупотреблению ею. Поэтому мы можем назвать нашу теорию также атомной теорией социальных бедствий, тем более что, как только сила достигает критической точки, злоупотребления произойдут спонтанно. Наконец, поскольку жизненно важный элемент — это не столько сила, сколько размер силы, который, как вскоре станет очевидно, в свою очередь зависит от размера определяющей его социальной группы, мы также можем назвать эту теорию размерной теорией социальных бедствий.

Что такое критическая величина, ведущая к злоупотреблениям? Это объём силы, который обеспечивает безнаказанность. Если тюремщики и полицейские повсеместно известны своей жестокостью, то не потому, что они хуже других людей, а потому, что в отношениях со своими заключёнными они почти всегда располагают критическим объёмом силы.

2. Происхождение прощающих преступления философий. Физический размер социальной массы, похоже, ответствен не только за количество преступлений, совершенных составляющими их индивидами или группами. Более важно и опасно то, что частота преступлений, растущая прямо пропорционально росту группы, похоже, ответственна и за развитие соответствующего склада ума — прощающей философии. Последняя, в свою очередь, с неизбежностью будет способствовать росту частоты преступлений.

3. Критические величины. Если критическая сила — это непосредственная причина социального зла, можно сказать, что критический размер общества, будучи источником критической силы, является его причиной. При оценке критического размера общества недостаточно, однако, принимать во внимание только численность его населения. Следует учитывать и его плотность, и скорость его движения (отражающую степень его административной интеграции и технического прогресса). Если население имеет малую плотность, оно может быть более многочисленным и населять большую территорию и всё же представлять собой меньшее общество, чем менее многочисленная, но более плотная группа.

Поставив диагноз истоков и первичной причины болезни, мы впервые способны предложить лекарство. Ведь если общественная жестокость, совершаемая либо на индивидуальном, либо на массовом уровне, есть в основном всего лишь спонтанный результат критического объёма силы, производимой, как только человеческая масса достигает определённой величины, её можно предотвратить лишь путем уменьшения размеров общества.

4. Причина войны. Если от причины главных внутренних бедствий общества обратиться теперь к причине его главных внешних бедствий — периодическим взрывам агрессивных войн, — мы увидим, что силовая, атомная или размерная теория вновь даст более удовлетворительные ответы, чем различные другие теории. Опять проявятся те же причинные связи. Мы вновь обнаружим, что устрашающий результат поведения общества есть следствие не порочных замыслов или намерений, а силы, порождённой чрезмерным размером общества. Ведь, как только государство становится достаточно большим, чтобы накопить критическую массу силы, в конце концов оно её и накопит. Когда это произойдёт, государство станет агрессором, какими бы миролюбивыми ни были её поведение и намерения в прошлом. (Очень созвучно с принципом силы Клаузевица, о котором я узнал из бестселлера Эл Райса Джека Траута [Маркетинговые войны](#).)

5. Не вводи нас в соблазн. Все это противоречит общепринятой доктрине, согласно которой власть не приходит в руки кому попало. Предполагается, что только плохие страны, плохие или придерживающиеся плохих идеологий люди поддаются соблазну из-за обладания взрывчаткой. Хорошие не поддаются. В результате вместо того, чтобы решить проблему в её физическом аспекте, что означало бы: единственный способ предотвратить войну — это предотвратить образование таких крупных обществ, какие смогли бы накопить критическую массу силы, большинство наших теоретиков и дипломатов все ещё пытаются решить проблему в моральной плоскости. Они хотят превратить нас всех в хороших и приличных людей, дав нам более разумное образование.

Хотя многие из нас отказываются принять следствия этих размышлений, думая о политике, в повседневной жизни мы приняли их до такой степени, что вряд ли можем считать их великим открытием. Немцы описали эти причинно-следственные отношения полной смысла фразой «Возможность создаёт воров». Это объясняет, почему все мы, причем хорошие люди даже больше, чем плохие, молимся Господу, чтобы он не вводил нас в соблазн.

Последний модифицирующий элемент, который надо упомянуть, чтобы завершить оценку эффективной социальной силы, относится к географическому расстоянию между местом её применения и местом её возникновения. Ведь эффективная сила, подобно звуку или свету, уменьшается обратно пропорционально расстоянию. Это объясняет, почему империи, хотя и являющиеся великими державами в своем центре, неизменно начинают рушиться на периферии в результате даже незначительного развития местной силы. Американские колонии, несмотря на своё относительно небольшое население, смогли тем не менее развить критическое превосходство и

атаковать британскую мощь, которая, пусть и огромная в Европе, на расстоянии 3 тыс. миль была не столь значительной.

8. Сила и размер Соединенных Штатов. Если войны возникают из-за накопления критической массы силы, а критическая масса силы может накапливаться только в социальных организмах критического размера, проблемы агрессии, как и проблемы жестокостей, явно можно опять решить единственным способом — путем уменьшения тех организмов, которые переросли рамки человеческого контроля. В случае с внешними бедствиями только государства могут достигать критических размеров. Это значит, что если мы хотим частично избавить мир от агрессивных войн, то мало чего сможем достичь, пытаясь объединить его. Мы лишь увеличивали бы потенциал страха, порождаемый крупными размерами. Достичь следует прямо противоположного — расчленения огромных объединённых национальных комплексов, обычно именуемых великими державами. Ведь только они в современном мире обладают социальными размерами, позволяющими им распространять бедствия, которые мы пытаемся предотвратить, но не можем, пока не трогаем порождающую их силу.

ГЛАВА III. РАЗЪЕДИНЕНИЕ СЕЙЧАС

Всё, что у наших государственных деятелей есть в запасе, чтобы справиться с угрозой атомной войны, — это, похоже, лишь объединение человечества. Увидев, куда привели нас объединители, давайте применим философию размерной теории и посмотрим, какое решение может дать нам противоположное направление.

1. Новая политическая карта Европы. Давайте разделим крупное и представим себе возможные последствия. На новой политической карте Европы должны быть Бургундия, Пикардия, Нормандия, Наварра, Эльзас, Лотарингия, Саар, Савойя, Ломбардия, Неаполь, Венеция, Папское государство, Бавария, Баден, Гессен, Ганновер, Брауншвейг, Уэльс, Шотландия, Корнуолл, Арагон, Валенсия, Каталония, Кастилия, Галисия, Варшава, Богемия, Моравия, Словакия, Рутения, Славония, Словения, Хорватия, Сербия, Македония, Трансильвания, Молдавия, Валахия, Бессарабия и т.д. (рис. 1, 2).

Рис. 1. Неудачная федерация. Европейская федерация, основанная на крупных национальных блоках, неравных по размерам и силе, в конце концов стала бы отвечать интересам Германии — ведь лишь Германия была бы достаточно крупной, чтобы обеспечивать соблюдение федеральных законов, и ни один закон не смог бы быть воплощён в жизнь без её согласия. Германия была бы арбитром и хозяином.

Рис. 2. Удачная федерация на основе границ малых государств. Эта карта приблизительно показывает истинные составные части Европы, на которые исторически подразделяются великие державы, — продукты не природы, а насилия. Будучи равных размеров, все эти части идеально подходят для того, чтобы сформировать успешную федерацию. Таким образом, проблема Европы, как и каждой федерации, — это проблема деления, а не союза.

При взгляде на этот длинный список одно ясно уже сейчас: на новой карте нет ничего искусственного. Фактически это естественный и исходный ландшафт Европы. Не пришлось изобретать ни одного названия. Они все существуют и, как показывают многочисленные движения за автономию македонцев, сицилийцев, басков, каталонцев, шотландцев, баварцев, валлийцев, словаков или нормандцев, всё ещё весьма живучи. Искусственными структурами являются именно великие державы, которым в силу этого приходится тратить столь много усилий на поддержание своего существования. Сотни лет совместного проживания и великодержавной пропаганды не смогли ни стереть чувства автономии, ни достичь того, чего каждое малое государство достигло без труда, — естественной лояльности и имеющей значение национальности. Поэтому разделение великих держав на части, что бы оно ни означало, представляло бы собой возвращение Европы не к искусенному, а к естественному состоянию. (Не забывайте, что книга впервые была опубликована в 1957 г. С тех пор разделились Чехословакия, Югославия, СССР. Прошел референдум об отделении Шотландии, на очереди Каталония. — Прим. Багузина.)

Была бы такая Европа более мирной?

2. Устранение причин войны. Почти все войны велись с целью объединения, а объединение всегда выставлялось в качестве умиротворения. Это означает, что если бы мы не были такими убеждёнными сторонниками единства и пацифистами, у нас могло быть значительно меньше войн. Самая ужасная в истории Соединённых Штатов война — гражданская — велась ради сохранения единства. В Европе объединение обычно означало, что более крупное государство хочет присоединить территорию менее крупного. Этот процесс начал расходиться лучами из различных центров в одно и то же время, в результате чего малые государства постепенно были поглощены расширяющимися центральными государствами, пока возникающие великие державы не установили общих границ. Когда исчезли все возможности дальнейшей экспансии, они начали оспаривать друг у друга недавние приобретения, свои пограничные территории.

Таким образом, восстановление суверенитета малых государств не только удовлетворило бы так и не исчезнувшее стремление этих государств к возрождению их автономии. Оно как будто по

волшебству устранило бы причину большинства войн. Европа малых государств автоматически устранила бы и второй источник постоянных конфликтов — проблему меньшинств. Поскольку с политической точки зрения не существует правила, насколько малым может быть суверенное государство, каждое меньшинство, каким бы немногочисленным оно ни было и на каком бы основании оно ни хотело бы отделиться, могло бы быть суверенным хозяином в собственном доме, говорить на собственном языке, когда и где пожелает, и быть по-своему счастливо. Швейцария, столь мудрая в науке и практике правления, продемонстрировала, как она решила проблемы меньшинств путём создания государств меньшинств, а не прав меньшинств. (С этой точкой зрения спорит Карл Поппер в книге [Предположения и опровержения](#).)

3. Безобидность войн малых государств. Здесь я слышу возражения. Не смешно ли утверждать, будто мир малых государств уничтожит войны? Как насчёт тёмного Средневековья, когда господствовали малые государства и непрерывные боевые действия? Справедливо. Однако проблема войны в современную эпоху заключается не в её наличии, а в её масштабах, её разрушительной величине. Войны как таковые, конечно, будут вестись всегда — как в мире великих держав, так и в мире малых государств. Мир малых государств устраняет не все причины войн, а наиболее раздражающие. Мир малых государств может поставить войны под контроль, сократить их эффективность, лишить их остроты и сделать их терпимыми. Мир малых государств с его невероятным дроблением суверенных территорий позволял конфликтам оставаться локальными и, когда где-то вспыхивала война, препятствовал её распространению по всему континенту.

5. Проклятие объединения. Когда мир малых государств с его постоянно враждующими частями и опереточными войнами уступил дорогу нашей современной системе крупных держав, произошло замирение крупных регионов, которые раньше раздирали племенные боевые действия. Однако, когда приобретения государств-аций были надлежащим образом переварены, они вновь обратили взор за пределы своих границ, чтобы найти выход своей энергии, — и начался новый цикл войн, которые качественно отличались от более ранних. Эти войны всякий раз засасывали в свой водоворот значительную часть мира. Один месяц современной войны великих держав приводит к большим потерям в людях и богатстве, чем несколько столетий средневековых войн, взятые вместе.

ГЛАВА IV. ТИРАНИЯ В МИРЕ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ

Ни проблемы войны, ни проблемы, относящиеся исключительно к преступности внутри обществ, не исчезают в мире малых государств; они лишь сокращаются до терпимых пропорций. Наш выбор, похоже, заключается не между преступлением и добродетелью, а между большим преступлением и малым; не между войной и миром, а между большими войнами и малыми, между неделимыми всеобщими и делимыми локальными войнами.

Однако не только проблемы войны или преступления становятся разрешимы при сокращении масштабов. Значение каждого порока уменьшается пропорционально размерам социальной единицы, в которой он развивается. Это особенно верно в отношении социальных бедствий, которые многим кажутся такими же нежелательными, как и сама война. Тирания!

Властные маньяки существуют везде, и каждое сообщество в своё время проходит через фазу тирании. Единственное различие заключается в степени тиранического правления, которое, в свою очередь, опять же зависит от размера и силы стран, становящихся его жертвами.

Поскольку малое государство по природе слабо, его правительство, сила которого может быть лишь сообразна размерам страны, в которой оно правит, тоже должно быть слабым. А если правительство слабо, таким же должен быть и диктатор. Если же слаб диктатор, его можно свергнуть с такой же лёгкостью, с какой сам он сверг предыдущее правительство. Никакой полицейский отряд в малом государстве не может быть достаточно велик, чтобы защитить его даже от мелких восстаний. Таким образом, первая и самая важная польза, вытекающая из устройства малых государств, — это укорачивание жизни диктатора или по крайней мере его нахождения у власти. История древнегреческих городов-государств, средневековых итальянских и немецких княжеств и современных южноамериканских республик изобилует примерами мелких тиранов.

Крупномасштабная тирания становится не только респектабельной и практически неустранимой из-за внушительной физической силы она способна порождать в людях соответствующую философию

покорности. Готовность покоряться — это не человеческое качество, объяснимое в значительной степени как результат воспитания, традиции, национального характера или способа производства. Как большинство других социальных отношений, это — реакция адаптивного рефлекса, являющаяся ответом человека на силу. Её степень варьируется прямо пропорционально величине силы.

ГЛАВА V. ФИЗИКА ПОЛИТИКИ

Малые размеры — это не только преимущество. Это замысел Бога. На нём построена вся Вселенная. Мы живёт в микрокосмосе, а не в макрокосмосе. Только двигаясь в направлении крошечных размеров, мы когда-нибудь приходим к концу, к границе, к пределу, где можем понять конечную тайну существования.

Только относительно небольшие тела — хотя и не мельчайшие — обладают стабильностью. Больше определённого размера всё рушится или взрывается.

Таким образом, физика, похоже, совершенно ясно демонстрирует, что Вселенная ни единообразна, ни проста, а многообразна и сложна. Вместо того чтобы состоять из малого ограниченного числа почти бесконечных масс материи. Она состоит из бесконечного числа конечных малых царств, которые не нуждаются ни в «специальных усилиях», ни в «гениях», чтобы оставаться в равновесии. Но что же тогда удерживает их вместе? Они сами! С помощью равновесия — равновесия субстанций, сил или как бы их ни называли.

Есть два способа, с помощью которых можно достичь равновесия и порядка. Один способ — это стабильное равновесие, а другой — подвижное равновесие. Когда оба способа находятся в своей собственной стихии, они саморегулируются. Стабильное равновесие — это равновесие застоя и крупных размеров. Однако порядок во Вселенной поддерживается с помощью не единства, а гармонии, основанной не на стабильном равновесии мёртвых, а на подвижном равновесии живых. В противоположность стабильному равновесию это равновесие саморегулируется благодаря не устойчивости его отношений, а сосуществованию бесчисленных подвижных мелких частей, ни одной из которых не позволено накопить достаточно массы, чтобы нарушить гармонию целого. Это означает, что малый размер — не случайный каприз творения. Он служит самой далеко идущей цели. Это основа стабильности и прочности, изящного гармоничного существования, которое не нуждается в хозяине (подробнее о саморегуляции см., например, [Путь в синергетику. Экскурс в десяти лекциях](#)).

[Эрвин Шрёдингер](#), анализируя подлинную причину малого размера, объяснил это так: «Почему же всё изложенное выше не может быть выполнено в случае, если организм состоит только из сравнительно небольшого количества атомов и чувствителен к воздействиям одного или нескольких атомов? Потому что мы знаем: все атомы находятся в непрерывном хаотическом тепловом движении, которое, так сказать, противостоит их упорядоченному поведению и не позволяет отнести к какому бы то ни было распознаваемому закону события, происходящие между малым числом атомов. Только при наличии огромного количества атомов статистические законы начинают действовать. Все физические и химические законы, которые, как известно, играют важную роль в жизни организмов, являются статистическими. Любой другой вид закономерности и упорядоченности, который можно себе представить, постоянно нарушается и становится недейственным вследствие непрерывного теплового движения атомов» (см. Эрвин Шрёдингер. [Что такое жизнь? С точки зрения физика](#)).

Подвижный принцип равновесия, превращая анархию свободных частиц в высокоорганизованные системы благодаря статистической точности, неизменно проистекающей из случайного взаимодействия бесчисленных и крохотных тел, со всей очевидностью является механизмом, удерживающим Вселенную от распада. Тем более удивительно, что так много наших политических теоретиков выступили против него с боевым кличем, очевидно, допуская, что социальная Вселенная следует другому порядку.

Наша политическая вселенная плохо уравновешена, поскольку в отличие от физической Вселенной она состоит не из огромного числа малых подвижных единиц, необходимых, как мы видели, для организованной модели поведения, а из малого и сокращающегося числа неподвижных, хотя всё ещё перемещающихся крупных единиц — великих держав. С их появлением зависимое от

разнообразной малости подвижное равновесие больше не могло функционировать удовлетворительно, и его пришлось заменить стабильным равновесием. Однако, оно больше не может функционировать автоматически, как функционировала бы здоровая система равновесий. Стабильное равновесие в мире политики можно поддерживать только путём сознательного и непрерывного руководства. Всякий раз, когда в старой социальной системе происходит движение, требуется мощная власть, чтобы рекомбинировать затвердевшие объединённые клетки в новом равновесии. Отсюда фанатичные попытки государственных деятелей нашей эпохи создать величественные сверхправительства в виде Лиги Наций, Объединённых Наций или Мировых Государств. Тем самым они демонстрируют: то, что презренному миру малых государств давалось без усилий — управлять самим собой, прославленный мир крупных держав не может сделать вообще. Для этого ему требуется внешний контролирующий агент.

Таким образом, главный симптом плохого равновесия — это не то, что он не является ни подвижным, ни стабильным, а то, что он требует сознательной регулирующей власти. Хорошее равновесие должно быть подвижным равновесием, которое саморегулируется благодаря независимому существованию огромного числа малых составных частей.

Таким образом, в мире политики винить следует не многократно оклеветанный принцип равновесия сил, а утрату его автоматизма, происходящую из-за появления мира неподвижных крупных держав, растущее окостенение которого приводит к разрушению всего, включая принцип, на котором, похоже, стоит и сама Вселенная. Поэтому, вместо того чтобы отказаться от равновесия сил и заменить его единством мирового государства, мы должны отказаться от нашего плохого равновесия и заменить его хорошим. Если говорить о политике, единственный способ восстановить здоровое равновесие в большом мире — это, похоже, расчленение великих держав.

Наиболее ярко эволюционный и прогрессивный характер принципа малого размера и деления иллюстрирует история органического прогресса. Джюлиан Хаксли удачно назвал этот процесс адаптивной радиацией или развёртыванием. Разветвляясь на определённое число различных форм, порядков, классов и подклассов, исходно единая группа диверсифицируется. В результате она оказывается в состоянии «использовать свою новую среду намного шире» и экономнее, чем если бы она оставалась однообразной и единой. Это значит, что развёртывание — не просто мутация, а улучшение, движение вперёд, прогресс. Первый шаг к более высоким формам жизни был сделан, когда «живая субстанция дифференцировалась на четыре типа химических механизмов» — зелёные растения, бактерии, грибы и животные. Дальнейший прогресс был достигнут, когда каждая из этих главных ветвей, в свою очередь, развернулась/разделилась на бесчисленные виды, типы и группы, причём с каждым делением специализированные формы становились «всё более эффективными во взаимодействии с их собственным сектором окружающей среды».

ГЛАВА VI. ИНДИВИД И РЯДОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Если общество слишком велико, то, как мы видели, оно порождает социальные бедствия, такие, как агрессивность, преступность или тирания, вследствие самих своих размеров. Однако и социальные блага сопутствуют социальному размеру — малому размеру. Вот почему только система малых государств способна и внутренне, и внешне обеспечить такие идеалы, как демократическая свобода и культурное просвещение. Поэтому, худшее из малых государств приносит' человеку больше счастья, чем лучшее из крупных.

1. Внутренняя демократия. Причина этого кажется очевидной. Величайшее счастье человека заключается в его свободе как индивида. Это неразрывно связано с политической демократией. Однако демократия, в свою очередь, неразрывно связана с малым размером коллективного организма.

Малое государство по своей природе внутренне демократично. Индивид в нём никогда не может быть властно отодвинут на задний план правительством, сила которого ограничена малыми размерами тела, из которого проистекает. В малом государстве индивид слишком близок к правительству физически, чтобы забыть о цели его существования: правительство существует, чтобы служить индивиду, и никакой другой функции у него нет. Правители малого государства — это соседи данного гражданина. Поскольку он хорошо знает их, они никогда не смогут спрятаться под таинственными сводами, где могли бы принять неясный и отчуждённый вид сверхлюдей.

2. Средний человек. В массовых государствах личное влияние может стать ощутимым, только если его канализировать через какие-то формы, формулы и организации. Именно они, а не индивид, все больше становятся подлинными агентами и выразителями политического суверенитета, так что нам следует говорить скорее о групповой или партийной, а не индивидуалистической демократии. В результате индивид приходит в упадок и его место занимает прославленный средний человек, о котором Ортега-и-Гассет пишет, что «в истории он то же самое, что уровень моря в географии».

Какой бы демократической ни пыталась быть крупная держава, она, вероятно, не может быть демократией в настоящем значении этого термина — правительственной системой, служащей индивиду. Крупные державы должны служить обществу, и в результате все подлинные идеалы демократии ставятся с ног на голову. Их жизненный ритм больше не может зависеть от свободы и взаимодействия индивидов. Вместо этого они начинают зависеть от организации. Однако хорошая организация предполагает тоталитарное однообразие, а не демократическое разнообразие. Активный человек-индивиду заменяется в массовых государствах пассивным человеком-типов.

4. Значение соседей как сообщества. По сравнению с гражданином крупных, населённых государств, гражданин малого государства отличается гораздо большим личным достоинством, представляя собой не бесконечно малую долю государственного суверенитета, а ту долю, которая может дерзко заявить о себе. Параллельно уменьшению доли человека в суверенитете происходит уменьшение его доли в управлении. Только малое государство удовлетворяет требованиям как индивидуалистического, так и демократического существования.

ГЛАВА VII. ВЕЛИКОЛЕПИЕ МАЛОГО

Первая причина интенсивной продуктивности в сфере культуры в малых государствах заключается в том, что отсутствие власти почти автоматически превращает правителей, которые в иных условиях могли бы стать обычными поджигателями и агрессорами, в покровителей образования и искусств. Они не могут позволить себе содержать армию солдат, но содержание дюжины художников по средствам даже беднейшему князьку. Вторая причина культурной плодовитости малых государств заключается в том, что эти государства с их небольшим размером и незначительными проблемами общественной жизни дают своим гражданам время и досуг, без которых не может развиваться никакое великое искусство. Управление отнимает так мало сил, что в сферу служения обществу достаточно направить лишь часть энергии индивида. Общество функционирует почти самостоятельно и таким образом позволяет гражданину посвятить основную часть его жизни самосовершенствованию, а не службе государству.

3. Разнообразие человеческого опыта. Третья причина интенсивной продуктивности малых государств в сфере культуры заключается в возможности для творческих индивидов познавать истину, без которой ни искусство, ни литература, ни философия не могут развиваться. Тем не менее познавать истину в столь разнообразном мире, как наш, который проявляет себя в столь бесчисленных формах, случаях и отношениях, творческий индивид должен быть в состоянии накопить весьма разнообразный личный опыт. Не весьма объёмный, а именно весьма разнообразный. Сделать же это бесконечно легче в малом государстве, нежели в крупном. В крупном государстве мы вынуждены жить в узкоспециализированных отсеках, поскольку многочисленные общества делают крупномасштабную специализацию не только возможной, но и необходимой. В результате наш жизненный опыт ограничен узким сегментом.

4. Свидетельство истории. Именно по этим трем причинам подавляющее большинство творцов нашей цивилизации были сыновьями и дочерьми малых государств. И по этим же причинам, как только продуктивные регионы малых государств объединялись и включались во внушительный каркас великих держав, они прекращали быть центрами культуры. Все великие империи древности, включая знаменитую Римскую империю, за все тысячелетия своего существования вместе не создали и дали той культуры, которую крохотные и находившиеся в состоянии постоянной войны между собой греческие полисы произвели за несколько десятилетий. Просуществовав так долго, эти империи, конечно, породили несколько великих умов и впечатляющих имитаторов, но их главные достижения лежат в сфере техники и социума, а не культуры.

Аналогичным образом Англия произвела на свет блестящую плеяду вечных имен, но когда? Когда она была такой малой и незначительной, что тяжелейшим испытанием для неё было одержать

несколько побед над ирландцами и шотландцами. Именно в тот период зарилистой незначительности, имея население около 4 млн человек, Англия и внесла главную лепту своего великого вклада в нашу цивилизацию — тогда творили Шекспир, Марлоу, Бен Джонсон, Лодж и многие другие непревзойдённые литераторы. По мере того как Англия становилась могущественнее, её таланты отвлекались в сферы войны, управления, колонизации и экономики.

Однако никакие две страны не иллюстрируют лучше культурную продуктивность малых и стерильность крупных единиц в сфере культуры, чем Италия и Германия. Куча государств, которую представляли собой Неаполь, Сицилия, Флоренция, Венеция, Генуя, Феррара, Милан, произвела на свет Данте, Микеланджело, Рафаэля, Тициана, Тассо и сотни других. А Бавария, Баден, Франкфурт, Гессен, Саксония, Нюрнберг, произвела на свет Гёте, Гейне, Вагнера, Канта, Дюрера, Гольбейна, Бетховена, Баха.

ГЛАВА VIII. ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАЛОГО

Экономический аргумент. Мы обнаружили, что принцип малой социальной единицы превосходит принцип крупной единицы почти во всех сферах, от физики до техники и от политики до культуры. Мы также обнаружили, что практически все проблемы существования происходят из чрезмерного роста и, следовательно, должны быть решены путём дробления больших единиц, а не объединения малых.

Существует тем не менее одна сфера, в которой наши аргументы в пользу возвращения к системе малых государств, кажется, теряют значение. Это экономика. Не будет ли означать такое возвращение экономический хаос? Не будет ли подлинно реакционным вновь воздвигнуть бесчисленные барьеры между бесчисленными регионами — барьеры, препятствующие транспорту и торговле и сводящие на нет колossalный экономический прогресс, который сделало возможным существование крупных государств и вследствие этого больших заводов и массового производства? Если объединение не имеет смысла нигде, оно определённо имеет смысл в экономической сфере: ведь без него наш жизненный уровень, по всей вероятности, был бы таким же низким, как в Средневековье.

1. Аргумент уровня жизни. Выросло наше потребление, но выросло ли качество жизни? Хотя массовое производство, бесспорно, даёт больше единиц товара на каждого человека, чем их изготовление в малых мастерских, это ещё не означает повышения уровня жизни. Ведь качество этих более многочисленных товаров и их способность удовлетворять наши потребности, похоже, уменьшились обратно пропорционально росту их доступности. Мы не только имеем больше рубашек или обуви, но и нуждаемся в их большем количестве, только чтобы поддерживать прежний уровень жизни. В результате нельзя сказать, что действительное удовлетворение наших потребностей пережило какой-либо рост просто потому, что товары первой необходимости увеличились количественно вместе с ростом нашей нужды в них.

2. Создание предметов первой необходимости. Автомобили, похоже, приносят нам гораздо меньше удовлетворения, чем то, которое приносили нашим предкам добрый старый конь или пара прочной обуви. Однако кто-то может возразить, что автомобили и другие высокоэффективные средства современного транспорта, такие, как метро или автобусы, больше не являются роскошью, чтобы удовлетворять наши потребности в путешествиях. Они стали предметом первой необходимости, чтобы удовлетворять наши основные нужды. Это совершенно верно. Однако с каких пор создание новых предметов необходимости стало признаком прогресса? Внедрение этих средств дорого нам стоило, но не принесло нам пользы. Прежде мы добирались до места работы, неторопливо спускаясь со второго этажа нашего дома на первый или пересекая улицу.

Таким образом, всё, что принесло современное крупномасштабное развитие, — это, похоже, лишь феноменальный рост производства не предметов роскоши — что действительно означало бы повышение уровня жизни, — а товаров, в которых мы нуждаемся, чтобы справиться с созданными этим развитием феноменальными трудностями. Мы получили возможность ездить на работу в собственных автомобилях — что только заставляет нас ломать голову над тем, где бы припарковаться. Это значит, что теперь мы нуждаемся не только в пространстве, которое уменьшилось из-за обилия машин, но и в психоаналитическом лечении, чтобы нейтрализовать негативное воздействие на мозг утомительных поисков пространства.

4. Размерная теория деловых циклов. Мир малых государств был в экономическом отношении также счастлив и удовлетворителен, как мог быть любой другой населённый человеком мир. Причина ухудшения современной экономической ситуации в том, что нечто стало слишком большим. Это нечто — производственная зона, рынок, интегрированная экономическая территория современных крупных держав. Чем могущественнее становится общество, тем большая часть производимого им продукта, вместо того чтобы увеличивать потребление его членов, тратится на решение проблем, вызванных ростом мощи общества.

Примеры продуктов, которые повышают уровень жизни общества, не повышая материальное благосостояние его членов, — это танки, бомбы или увеличение правительственные служб для управления увеличившейся силой общества. Вторая категория продуктов роста или товары, обусловленные плотностью населения, — те, что стали необходимыми из-за роста населения, но могут способствовать счастью индивида не больше, чем бомбы. Это такие «товары», как светофоры, оборудование для оказания первой помощи, услуги метро.

Параллельно с развитием крупномасштабных экономик развивался феномен деловых циклов. Имея в современную эпоху оттенок разрушительности, эти циклы присущи любым крупномасштабным системам. Их источник — чрезмерный рост. Поэтому правильнее было бы назвать их циклами роста, ведь их разрушительная природа и масштаб зависят не от бизнеса, а от растущего бизнеса, причём не только от растущего бизнеса, но от растущей индустриализации и интеграции.

6. Закон убывающей производительности. Однако главный аргумент против фетишизма крупномасштабных экономик мы черпаем не из сравнения экономического развития в крупных и малых государствах, а из экономического закона. Каждый изучающий экономику в одно из своих первых занятий должен ознакомиться с законом убывающей производительности как самым основным экономическим принципом. Это, однако, опять же не что иное, как экономическая версия принципа малых единиц, который, как мы обнаружили, пронизывает всё мироздание.

Закон убывающей производительности гласит: если добавлять переменные единицы любого фактора производства к фиксированному количеству другого фактора производства, то после определённого момента каждая новая единица переменного фактора будет добавлять к общему продукту меньше, чем предыдущая. Экономисты выделяют четыре фактора производства — землю, рабочую силу, капитал и предпринимателя. Предпринимательские способности, поскольку они ограниченны и не могут расширяться после достижения полной зрелости, способны справиться только с проблемами ограниченного предприятия, деятельность которого не теряется на горизонте. Именно поэтому закон убывающей производительности служит аргументом в пользу неограниченной экспансии, а ограничения, приспособленного к небольшим размерам человеческого интеллекта, который не может расти.

7. Малые единицы бизнеса против больших. Как и земля, фирма после определённого момента даёт меньше отдачи на единицу добавленных усилий. Согласно тому же закону убывающей производительности, эффективность функционирования предприятия по достижении им определённого размера начинает уменьшаться по отношению к количеству затраченных ресурсов. Разумный бизнесмен будет расширять производство не до максимальной, а до оптимальной возможности. Здоровая капиталистическая экономика вовсе не процветает благодаря крупномасштабным концепциям, а больше любой другой системы зависит от индивидуального разнообразия и сопутствующей ему малой фирмы.

ГЛАВА IX. СОЮЗ ЧЕРЕЗ РАЗДЕЛЕНИЕ

Принципы малых размеров и разделения, решавшие так много других проблем, решают и проблему объединения. Они лежат в основе всех успешных региональных или континентальных союзов, международных федераций или мировых государств. Лишь малые государства можно объединить в более здоровые и крупные организмы. Лишь малые государства поддаются процессу федерации. Там, где в федеральном союзе участвует крупное государство, федерация не может существовать долго. Примеры успешных федераций — это Соединённые Штаты и Швейцария, правительства которых, за исключением кризисных эпох, настолько слабы, что тайна их способности к сцеплению озадачила многих политических теоретиков, ищущих формулу союза.

Великий урок швейцарского и американского союзов состоит не в том, что добрая воля и общая культура привели их к успеху, а в том, что оба союза преуспели, несмотря на мощные взрывы злой воли. Единицам — их членам вовсе не недостаёт желания отделиться от союза. Желание есть. Им не хватает силы отделиться.

Основная проблема любого федерального правительства — это обладание исполнительной властью достаточно сильной, чтобы следить за соблюдением законов федерации всеми её членами. Чтобы преуспеть, оно должно быть немного сильнее самого сильного государства-члена. Это не политическая теория, а административная арифметика. В организации по модели малой клетки превосходство федеральной власти над её сильнейшей единицей легкодостижимо, поскольку даже сильнейшая единица слаба. В системе крупных держав это почти невозможна. Союзы крупных держав способны жить только по милости своих крупных членов, которые по своей воле могут наложить вето на их существование, что и делают.

Самая убедительная иллюстрация принципа малых государств как главной движущей силы успеха федерации — это Священная Римская империя. Она была свободной или даже рыхлой федерацией, единый каркас которой объединял большинство немецких и итальянских государств, и просуществовала фантастический срок — тысячу лет.

4. Принцип управления. Наконец, следует рассмотреть малую единицу как единственную реальную основу социальной организации. Она лежит в основе не только всякого успешного федерального управления, но и вообще всякого управления. *Малая единица представляет собой не один из принципов управления, а единственный принцип управления.* По этой причине эффективные администраторы, правители и завоеватели не высмеивают данный принцип, а сделали его постоянной стратегией своего успеха. С незапамятных времён они стремятся увеличить свою власть, одновременно уменьшая свои административные проблемы с помощью простого метода уменьшения размеров управляемой единицы.

Мидяне и персы построили первые в истории великие централизованные империи, раздробив завоёванные земли на многочисленные небольшие сатрапии, управлять которыми было так же легко, как трудно было бы управлять крупными неразделёнными блоками. Империя Александра, не сумевшая применить этот механизм, нуждалась в Александре ради сохранения своей целостности и немедленно распалась после его смерти. Однако римляне вновь применили указанный принцип, разделив свою обширную и просуществовавшую длительное время империю на многочисленные небольшие и поддающиеся контролю провинции, в которых никогда не могла возникнуть какая-то власть, соперничающая с относительно небольшой властью римских проконсулов. Те же римляне облекли этот принцип в его классическую формулировку: *divide et impera* — «разделяй и властвуй».

Аналогичным образом действовала Великобритания, которая объединила свои неравные по размерам, крупные и враждовавшие друг с другом государства, уничтожив их как политические целостности и заменив их небольшими и легко контролируемыми единицами примерно равных размеров — графствами.

ГЛАВА X. УНИЧТОЖЕНИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Можно ли это сделать? Можно ли разделить великие державы? Если такие регионы, как Европа, действительно хотят союза, если регионы, где есть великие державы, хотят объединяться, они должны разделить эти державы. Но как это можно сделать? Идею деления, предъявленную великим державам в виде требования, они скорее всего отвергнут. Однако они вполне могут принять её в виде подарка. Этим подарком было бы пропорциональное представительство в органах управления федеральным союзом, части которого они составляют. Принятие этого предложения привело бы ни много, ни мало к постепенному исчезновению великих держав.

Общепринятый федеральный принцип управления предоставляет равное количество голосов каждой суверенной единице — участнице федерации, независимо от численности её населения. Франция с её 45 млн. жителей не более суверенна, чем Лихтенштейн с населением менее 13 тыс. человек. Если Франция обладает большей мощью, чем Лихтенштейн, у неё не больше прав, чем у этого миниатюрного княжества.

ГЛАВА XI. НО БУДЕТ ЛИ ЭТО СДЕЛАНО? Нет!